

Покорители "пернатого царства"

Симбирская земля неистощима на талантливых людей. В этом году исполняется 130 лет со дня рождения двум нашим землякам, известным российским зоологам - Сергею Александровичу Бутурлину и Борису Михайловичу Житкову. Ученые оставили неизгладимый след в отечественной науке, обогатив ее интересными открытиями и находками. Неустомимые путешественники, они исколесили полстраны, изучая природные богатства российских окраин. Но и вдали от родины не забывали своих истоков - Симбирской земли.

В 1906 году в Петербурге вышла книга «Материалы для орнитофауны Симбирской губернии», написанная зоологами, членами Русского Географического Общества Б. Житковым и С. Бутурлиным. Почти целое столетие этот труд оставался единственным полным исследованием пернатого царства нашего края.

Оба автора - наши земляки. Здесь прошли их детские годы. Оба родились в 1872 году, оба - в сентябре, причем с разницей лишь в 20 дней. Имение Бутурлиных находилось в селе Лава Карсунского уезда, имение Житковых - в селе Михайловское Ардатовского уезда. С раннего детства оба мальчика, не зная о существовании друг друга, всей душой отдавались одной всепоглощающей страсти - наблюдению за птицами, охоте в богатых дичью сурских лесах. Позже детское увлечение переросло в призвание. Борис Михайлович Житков стал профессором и одним из ведущих зоологов Московского университета. Сергей Александрович Бутурлин был юристом, но всю свою жизнь занимался изучением птиц, внес большой вклад в их систематику, был одним из основоположников научного охотоведения и природоохранного дела России.

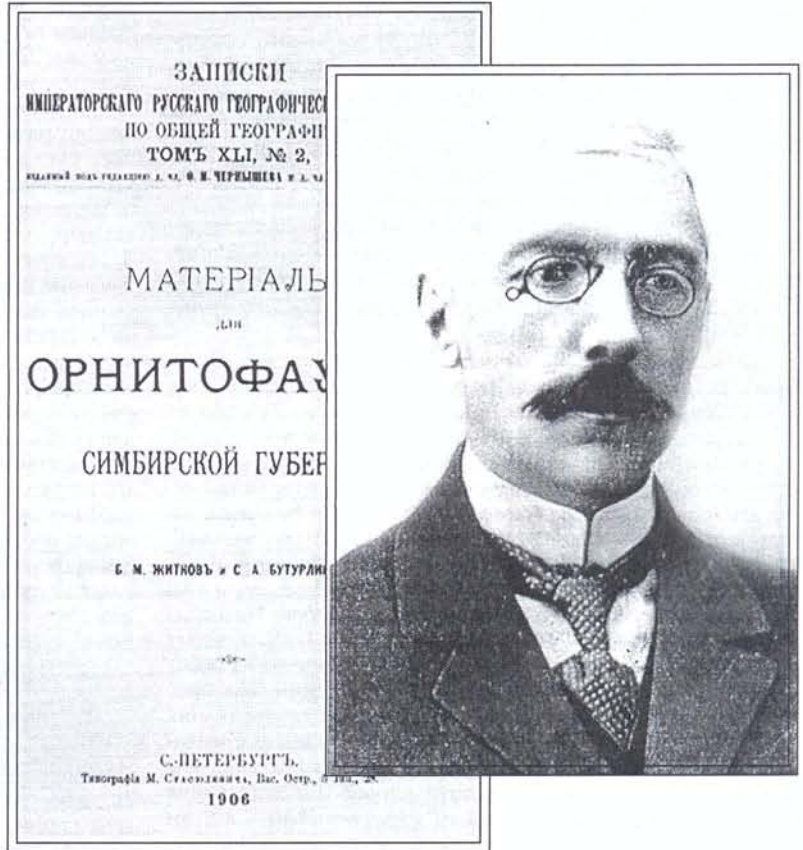
Судьба свела их в стенах Московского университета, куда часто навещался со своими коллекциями птиц Бутурлин, и объединила совместной экспедицией на Кольский полуостров летом 1901 года. Наверное, тогда, у походного костра, любуясь суровой природой севера и вспоминая дорогие сердцу сурские места, обдумывали они совместный труд о птицах Симбирской губернии. Оба ученых к тому времени имели уже достаточно полное представление о птицах нашего края. Но, чтобы провести подобное исследование, требуется большой описательный материал, изучение огромного количества самых разных птиц. В этом им

помогали симбиряне. В предисловии к книге Житков и Бутурлин отметили их заслуги: «Многие лица оказывали нам свое содействие по вопросам о распространении отдельных видов птиц, присылке шкурок. Особенно благодарны мы А.Т. Евреинову, собравшему для нас интересную коллекцию птиц в окрестностях Симбирска, и графу Г.И. Рибольеу, который любезно разрешил нам коллектировать в лесах и пойме своего обширного имения».

Упомянутый выше Алексей Тимофеевич Евреинов, чиновник врачебного отделения губернской канцелярии, охотник-любитель, постоянный читатель и автор нескольких заметок в журнале «Псовая и ружейная охота», случайно попал в поле зрения Бутурлина. Весной 1899 года он написал ему в Симбирск, предложил сотрудничество. Евреинов тут же откликнулся: «Сбор коллекции для меня не составит труда. Охотно исполню Вашу просьбу. Постараюсь быть Вам полезным, насколько позволят мне время и способности, и, если Вы сможете выхлопотать мне разрешение на право весенней стрельбы птиц с научной целью и разъясните насчет пород куликов и тех птиц, что Вам нужны». С этого дня началось их сотрудничество с Бутурлиным, а чуть позже и с Житковым. Ученые высылали в Симбирск банки со спиртом для консервирования птичьих шкурок, деньги на приобретение охотничьего снаряжения, оплату посылок и вознаграждение самого охотника. А Евреинов с весны до осени колесил по близлежащим от города лесам, речным поймам, лугам и болотам в поисках птиц. Добытых птиц препарировал и отправлял Бутурлину или Житкову. Первое время делал это неумело, не было навыка, но вскоре на помощь пришел хозяин дома, где он снимал квартиру, А.С. Кабанов. Мастер на все руки, к тому же сам охот-

ник, Кабанов руководил работой Евреинова, о чем тот упоминает в своих письмах: «Если достану журавлей, шкурку сниму, а гузку положу в спирт, конечно, все сделаю под руководством Кабанова». Кроме него, помогали Евреинову и другие симбиряне. С.Н. Кандалинский, сотрудник местного отделения Госбанка, доставлял ему птиц, С.С. Андреевский, председатель Симбирского общества охоты, выдавал разрешение на охоту в окрестностях города. Но были и недоброжелатели. По заявлению членов общества охоты Н.Х. Плющевского-Плющика и В.Е. Андреева в 1901 году Евреинов был привлечен к судебному разбирательству якобы за нарушение правил охоты. Его обвинили в том, что, не имея охотничьего билета, он охотился в угодьях, арендуемых обществом охотников, отстреливая слишком много птиц. Охотники не признавали даже высланное Евреинову Министерством госимуществ разрешение на охоту в любых казенных дачах. В объяснительном заявлении в суд Евреинов писал: «Мне нужно и следует взять не два и не шесть птиц каждой породы, как уверяют некоторые, а напротив, чем больше, тем лучше для исследователя, до семи и более птиц и не только каждой породы, но и разновидностей, причем такое количество надо взять из каждой отдельной местности. Кроме того, нужно до шести-семи и более птиц из стаи в их брачном перье, столько же летних и осенних для определения разновидности оперения, и помимо этого, нужна птица в различном возрасте и, конечно, самцы и самки. Только при таком обширном и разнообразном количестве птиц составится полная коллекция для исследователя-орнитолога». Дело разрешилось в пользу Евреинова, но, пока оно шло, он не мог охотиться там, где считал нужным. Когда все оказалось позади, он с еще большим усердием взялся за дело. По его просьбе Бутурлин купил ему в Петербурге в магазине Чижова новое легкое ружье, выслал необходимые книги и определители. За несколько лет птиц набралась целая коллекция. Он собирал их в Мещанских лугах и на Тамбовском болоте за Волгой, на волжских островах, в пойме Свяги за городом, в Поливненской и Каменской удельных дачах. Каждую посылку Алексей Тимофеевич сопровождал пространными письмами, в которых перечислял свои охотничьи трофеи, описывал саму охоту. «К прискорбию, ожидания мои на хорошие охоты не оправдались, у нас все болота сухие и звенят как паркет, даже Тамбовское моховое болото, славившееся всегда обилием топей и дичи совершенно высохло. Только одно место мокрое у запруды Свяги под названием Полевое болото, на котором и могли охотиться любители болотной охоты. Вы можете представить, какая пальба была на этом клочке. Все-таки я убил на нем 13 дупелей, столько же другой мелкой дичи. В числе убитых мною выдающихся экземпляров нет, кроме одного дупеля, он был необычно велик. Хотел сделать из него для Вас чучело, но он был слишком жирен, а я как плохой в этом мастер не сумел с ним справиться».

Человек впечатлительный, тонко чувствующий природу, Евреинов имел к тому же эпистолярный талант. Его письма переполнены восторгом, яркими описаниями местной природы: «Вы как приволжский житель поймете всю чарующую прелесть слива. Я особенно люблю ездить на лодке ночью, по лабиринтам затопленного леса. Тишь невообразимая, нарушаемая только всплесками рыб, торопливым полетом и тревожным криком застигнутых врасплох уток, да отдаленным гулом рокочущего стержня Волги. Недостает только русалок, играющих на зеркальной поверхности воды, а в тени под угрюмыми навислыми деревьями каких-нибудь чудовищ вроде драконов с лубочных картинок с рыбьими и змеиными хвостами. А какая там свежесть, какая чистота воздуха! Он так влажен, мягок и ароматен, так неудержимо сливается во все существо, что способен вселить в сердце силу юноши».

Автор этих писем, кроме поэтического восприятия действительности, был от природы наделен и прекрасным чувством юмора: «В страстную пятницу Кандалинский убил на тяге в Поливненском овраге для нашей коллекции пару вальдишнепов и ...съел. Что делать — слабость человеческая».

Три десятка писем Евреинова, написанных им Бутурлину, донесли до нас колорит времени. Бутурлин как ученый понимал их научную и историческую ценность, потому и хранил их в своем научном архиве. Его сын, А.С. Бутурлин, передал архив в 1970-е годы в дар Ульяновскому краеведческому музею, где они находятся и поныне, сообщая много ценных сведений о развитии зоологической науки в нашей стране, возвращая нас на столетие назад.

Татьяна Громова